

Особый интерес представляют дневники, в которых отражены взгляды тех, кто оставался в Ленинграде в течение всей войны. Такие дневники могут играть роль своего рода «стержня» исследования, обеспечивая ему некую цельность. К сожалению, дневников подобного рода в распоряжении историков немного. Из выявленных нами дневников особое место занимают записи уже упоминавшейся А. Остроумовой-Лебедевой. Конечно, на основании взглядов пусть даже такой значительной представительницы русской интеллигенции, коей была А. Остроумова-Лебедева, нельзя делать широких обобщений об умонастроениях интеллигенции и тем более всех ленинградцев, особенно по такому традиционно болезненному в российской истории вопросу, как антисемитизм. Мы тем не менее используем записи Остроумовой-Лебедевой как ценный источник в связи с тем, что они отражают *наличие проблемы* антисемитизма на бытовом уровне, особенно остро звучавшей в военные месяцы 1941 г. и вновь ставшей весьма актуальной в период борьбы с «космополитизмом».

*Письма*⁷⁴ ближе по объективности настроений к дневнику. Однако в условиях войны, когда все знали о существовании цензуры, вряд ли можно рассчитывать на наличие в них критических замечаний по отношению к режиму, за исключением, конечно, анонимных писем представителям власти, а также писем-жалоб, как правило, носивших коллективный характер. Самоцензура авторов писем была на порядок выше, чем тех же лиц при ведении ими дневников. Вместе с тем наличие статистических данных о количестве так называемых «отрицательных настроений» в перлюстрированных военной цензурой письмах позволяет судить о нарастании внутреннего кризиса в блокированном Ленинграде осенью — зимой 1941–1942 гг., когда по материалам военной цензуры в наиболее тяжелый период января — февраля 1942 г.

20% корреспондентов высказывали негативные, по мнению власти, настроения. Несмотря на цензуру, ленинградцы давали оценку текущей ситуации и власти, неспособной их защитить и накормить. Цифры ВЦ показывают не только динамику изменений настроений, но и опасную тенденцию к революционизированию населения, когда экономические требования все больше уступали место политическим, поиску модели оптимальной власти. Вероятно, статистические данные НКВД не отражают истинной картины с количеством недовольных — их в городе было гораздо больше, чем 20% (очевидно, что далеко не все писали письма и свое недовольство проявляли в других формах — в частности, совершая противоправные действия).

Воспоминания, обнаруженные нами в ЦГАИПД СПб (фонд 4000), в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда, а также в опубликованных сборниках, вышедших после войны, также представляют большой интерес. Они необходимы для проверки информации, получаемой из других источников. При этом следует учитывать время, а также то, когда и кем написаны воспоминания, поскольку при всем стремлении их авторов к объективности они не могли не соответствовать господствовавшим в тот период ценностям. Подчас авторы воспоминаний старались воздействовать на коллективную и официальную память о блокаде. Воспоминания носили подчас конъюнктурный характер. Тем больший интерес представляют свидетельства участников войны, которые выходят за рамки советских идеологических барьеров. На основе таких материалов нами восстановлена картина развития настроений на оккупированной территории Ленинградской области.

Другие источники личного происхождения по интересующей нас проблематике, находящиеся в зарубежных архивах (Лувровского института войны, мира и революции, Колумбийского и Гарвардского университетов), представляют собой, в ос-

новном, воспоминания эмигрантов, переживших блокаду в Ленинграде или же находившихся в непосредственной близости от него в оккупированных немцами пригородах. Приведем один пример. Известно, что и по прошествии десятилетий спецслужбы разных стран сохраняют конфиденциальный характер большей части инструктивных материалов по агентурно-оперативной работе. Казалось бы, это обстоятельство не позволяет провести сколько-нибудь глубокое историческое исследование о методах работы органов госбезопасности в годы войны. Однако собранные американцами в ходе масштабного проекта по изучению СССР документы о деятельности НКВД-НКГБ в 1941–1945 гг. отчасти восполнили этот пробел еще в 1950-е гг. Несколько сот страниц текста о самых разных аспектах агентурной работы, подготовленного оказавшимися в США бывшими старшими офицерами советских органов госбезопасности Репиным и Артемьевым, дают представление о формах и методах НКГБ и НКВД. Эти документы находятся на хранении в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там же содержатся документы Российского Общевоинского Союза, члены которого принимали участие в пропагандистской работе как на фронте, так и на оккупированной территории Ленинградской области.

Наконец, следует отметить, что наряду с архивными материалами в данном исследовании использованы различные публикации документов. Количество изданных документов в первой половине 1990-х гг. было настолько велико, что в литературе это явление назвали «архивной революцией»⁷⁵. Во-первых, проблемы места органов государственной безопасности и внутренних дел в системе управления обществом в период сталинизма представлены в нескольких томах серии «Россия. XX век», выходящей под редакцией А.Н. Яковлева⁷⁶, а также в уже упоминавшейся публикации документов о деятельности органов госбезопасности в период Великой Отечественной войны⁷⁷. Эти документы свидетельствуют о постоянном расширении деятельности органов безопасности,

использовании их контролирующих и карающих функций во всех областях государственного управления⁷⁸. Во-вторых, важным источником для всестороннего освещения роли партийного руководства в организации и деятельности системы политического контроля являются фундаментальные сборники документов, подготовленные в 1995–2001 гг.⁷⁹ В-третьих, расширилась источниковая база для изучения настроений в СССР в период второй мировой войны. Однако опубликованный в 2003 г. в серии «Документы советской истории» сборник о советской повседневности и массовом сознании в 1939–1945 гг. лишь частично заполняет существующую лакуну. Он построен по проблемному принципу компоновки документов, обращая внимание на такие темы, как образ власти в массовом сознании, преступность и девиантное поведение, репрессии в годы войны, потребление и качество жизни и т.д.⁸⁰ Это издание не дает представления о динамике изменения настроений в каком-либо конкретном регионе страны, но позволяет делать соотнесения с зафиксированными в среде защитников и населения Ленинграда настроениями. В-четвертых, существенно увеличился корпус источников собственно о битве за Ленинград, включая проблемы отношений власти и народа и массовых настроений. В 1995 г. был опубликован сборник «Ленинград в осаде», в который вошло более двухсот новых документов из архивов Санкт-Петербурга практически по всем аспектам битвы за Ленинград, включая, в частности, поддержание общественного порядка (23 документа) и настроения населения (10 документов, в том числе по военным месяцам 1941 г. три документа). Очевидно, что этого было явно недостаточно для всестороннего исследования как проблемы политического контроля, так и настроений в осажденном городе. В 1996 г. вышел в свет сборник документов из архива УФСБ об оценке ленинградцами важнейших событий международной жизни в годы войны. В нем были приведены 44 спецсообщения, находившиеся ранее на секретном хранении⁸¹.

Как уже отмечалось, в 2001 г. нами был подготовлен сборник, в котором представлены документы спецслужб противоборствующих сторон, а именно 28 документов немецкой военной разведки 18-й армии, 19 сводок (или их фрагментов), подготовленных СД, а также 40 спецсообщений УНКВД ЛО, главным образом о продовольственном положении и настроениях населения в 1941–1943 гг.⁸² Наконец, усилиями большого коллектива историков и архивных работников был издан сборник документов о помощи страны Ленинграду в период обороны города. В сборник вошли постановления, распоряжения, справки, стенограммы докладов, письма, телеграммы и др. из фондов ЦГАИПД СПб и ЦГА СПб, свидетельствующие о «сплоченности народов нашей страны перед угрозой их порабощения»⁸³.

К 300-летию юбилею Санкт-Петербурга в «Историческом архиве» из 156 документов, непосредственно касавшихся Ленинграда, был опубликован 21 документ ГКО СССР, освещающий мероприятия по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда в 1941–1945 гг.⁸⁴ В жанре хроники к юбилею Санкт-Петербурга в Москве появилось издание, основная ценность которого состояла во введении в научный оборот некоторых новых документов и материалов о жизни города в период с начала войны до снятия блокады⁸⁵. Ряд новых документов о жизни в блокированном Ленинграде и настроениях населения опубликованы в сборнике, подготовленном в Институте военной истории. В пятой части книги представлены документы о быте, напряженном труде и массовом проявлении патриотизма, который, «в конечном счете, и определил исход борьбы»⁸⁶.

Подводя итог сказанному, отметим, что возможности историка по введению в оборот новых материалов небезграничны. Г.Л. Соболев в связи с этим отмечал, что «в силу целого ряда причин источниковедческий аспект социально-психологических исследований представляет для историка большие трудности и... историку приходится иметь дело только с теми

источниками, которые оставила интересующая его эпоха». При этом задачей историка является изучение источников в их совокупности, «многократное сравнение данных, различающихся происхождением и степенью обобщенности»⁸⁷.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что настроения нашли отражение в различных разновидностях документов личного и официального происхождения. Ни один из рассмотренных видов источников взятый сам по себе не является достаточным. Лишь комплексное использование выявленных документов позволяют дать ответы на поставленные нами вопросы.

— НИКИТА ЛОМАГИН —
ЛЕНИНГРАД
В БЛОКАДЕ

Такой книги о ленинградской блокаде вы еще не читали.

Это не советские пропагандистские мифы.

И не обличения «демократов», готовых поливать грязью
самое святое.

Эта книга основана на уникальных документах НКВД,
которые предназначались для «внутреннего пользования», а
потому не стремились ни приукрасить историю блокады, ни
опорочить подвиг города-героя, а отражали объективную
картину событий.

Это правда об одной из самых героических и страшных
страниц Великой Отечественной войны.

ISBN 5-699-11555-2

9 785699 115556 >

